

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА СУБЪЕКТА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Т.А. ЧИСТИЛИНА

*Харьковский институт банковского дела
Университета банковского дела Национального банка Украины,
г. Харьков, Украина*

Введение. Для современной социальной философии актуальной является проблема, которую можно обозначить термином «кризис субъекта». Суть проблемы состоит в том, что в 70–е годы XX века представителями постмодернистского направления философии был провозглашен концепт «смерти субъекта». Этот концепт постулировал необходимость отказа от понятия субъекта, которое было ключевым для западноевропейской философии, начиная с периода Просвещения. Понятие субъекта неразрывно связано с принципом рационализма, который в обозначенный период развития философии, именуемый также философией эпохи Модерна, являлся фундаментальным для построения философских теорий. Поэтому наряду с отказом от понятия субъекта, постмодернисты провозгласили концепт смерти субъект–центрированной рационалистической философии, а также еще ряд «смертей» – метафизики, истории, автора и так далее. С позиций современного философского знания концепт «смерти субъекта» интерпретируется в качестве метафоры, означающей кризисное состояние концепта субъекта, проистекающее из кризиса философии эпохи Модерна. Поэтому актуальной проблемой современной философии является поиск путей выхода из кризиса субъект–центрированного философского знания, частью которой является проблема переосмысления концепта субъекта на новых основаниях. «Субъект, который сегодня воспринимается не иначе как эмблема классической философии, оказался ставкой в борьбе за ее защиту либо преодоление. Страсти настолько накалились, что речь идет уже не просто о дискуссиях или даже спорах, но об общеевропейской схватке вокруг субъекта» [1, с. 138].

Хотя философы работают над этой проблемой давно и плодотворно, формулируя различные варианты выхода из обозначенного кризиса, до сих пор не достигнут консенсус относительно методологических и концептуальных оснований его преодоления. Также не проведена систематизация и обобщение уже разработанных теорий и концепций, предлагающих выходы из кризиса субъекта. То есть эти части проблемы остаются нерешенными.

Актуальность статьи проявляется в необходимости внести вклад в решение проблемы кризиса субъекта, являющейся частью более широкой проблемы кризиса рационалистических основ философского знания. Целью статьи является анализ, обобщение и систематизация разработанных в современной философии теорий преодоления кризиса субъекта, а также, выделение среди них наиболее перспективных, позволяющих соотнести предложенные пути преодоления кризиса с быстро меняющейся современной социальной реальностью. В связи с этим, важно определить основные направления философской мысли, в которых осуществляется поиск путей выхода из кризиса субъекта; проанализировать характерные для этих направлений теории и концепции; выделить среди направлений и теорий наиболее перспективные для преодоления кризиса субъекта и поиска новых оснований рациональности и субъективности.

Среди философов, занимающихся проблемой выхода из кризиса субъекта и субъект–центрированной философии Модерна, выделим тех, кто концентрирует свое внимание на решении первой части проблемы. Это зарубежные философы У. Бек, Ж. Бодрийяр, Д. Ваттимо, В. Гюсле, В. Декомб, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ю. Хабермас, М. Хардт и А. Негри, М. Фуко, М. Эпштейн; российские исследователи К.Э. Галанина, Е.В. Мареева, А.С. Козырева, В. Кутырёв, Е.О. Труфанова, и другие.

А среди представителей украинской философии проблеме кризиса субъекта посвящены работы О. Буровой, В. Гусаченко, С. Жерёбкиной, А. Мамалужа, А. Митрофановой, О. Пелипенко, О. Соболев, А. Чаплыгина и других авторов.

Основная часть. В процессе исследования мы используем системный подход к анализу философских теорий преодоления кризиса субъекта, методы классификации, систематизации и теоретического обобщения. Объектом нашего исследования являются разработанные в современной социальной философии теории преодоления кризиса субъекта, их методологические и концептуальные основания.

Задача преодоления кризиса субъекта решается как представителями постмодернистского направления философии, так и теми, кто не отказывается от рационалистических философских конструкций. Результаты этих поисков неоднозначны. Как отмечает российский философ К. Э. Галанина, «С одной стороны, ... было показано, что классический концепт субъекта не является как таковой очевидным, достоверным, необходимым, может быть подвергнут критике по многим основаниям. С другой же стороны, ... не выяснено, как можно обойтись в философии без субъекта или, по крайней мере, иметь дело с концептом субъекта, который был бы избавлен от недостатков субъекта классического» [1, с. 138].

Особенности современного мира таковы, что на первый план выходит случайность, а не закономерность, возможность, а не только реальность, изменчивость, а не стабильность. Мир предстает как планетарная сетевая структура, утратившая священные религиозно–метафизические основания и табу. Поиски философов на пути преодоления кризиса субъекта должны учитывать эти трансформационные процессы социальной реальности.

Анализ и обобщение существующих в современной философии подходов к проблеме преодоления кризиса субъекта позволяет сгруппировать их по нескольким направлениям. Критериями этой классификации будем считать отношение к принципу рациональности и связанной с ним необходимости существования понятия субъекта, а также концептуальные и методологические основания нового понимания рациональности и субъекта, если такие предлагаются.

Во–первых, выделим философов – *последователей классического рационализма*, которые выступают против каких–либо попыток легализации постмодернистского философского дискурса, рассматривают его как деструктивный и разрушительный для будущего существования философии. Кризис классического рационализма и субъект–центрированной философии они рассматривают как фикцию, порожденную фантазией и языковыми «играми» самих постмодернистов, которые, разрушая основы философии, не могут предложить новых продуктивных ее оснований.

Во–вторых, близко к последователям классического рационализма можно поставить философов, которые, признавая реальность кризиса субъект–центрированного способа мышления, видят выход из него на пути концептуализации «*нового рационализма*». Основания последнего они выстраивают по–разному: или путем обращения к рациональным основам практик повседневности, или же пытаясь синтезировать научно–рационалистическое и религиозно–мифологическое мышление.

Третью группу составляют представители постмодернистской философии, в рамках которой, собственно, инициировался отказ от субъект–центрированной философии и метафизического мышления в целом. Сегодня в среде постмодернистов нет такого единства мнений, которое наблюдалось в 70–80–х годах XX века, в период расцвета этого направления. Некоторые из них видят возможность преодоления кризиса субъекта в философском направлении, названном *After–postmodernism*. В его рамках разрабатываются концепции, которые, по мнению их авторов, позволяют преодолеть как ограниченность и проблемы классической метафизики и рационализма, так и неопределенность деконструктивизма. Наряду с *After–postmodernism* продолжает существовать и так называемый «классический» посмодернистский деконструктивистский дискурс, который понятие субъекта полностью отрицает.

Отдельно следует выделить тех мыслителей, которые ищут выход из кризиса субъекта в направлении *коммуникативной практической философии*: в сфере коммуникации, диалога, новых оснований взаимодействия между индивидуальным социальным субъектом – личностью и коллективом, социальными группами, государством. Отрицая классическое понимание субъекта в качестве абстрактной монологичной трансцендентальной «точки», своего рода «распорядительного разума», они рассматривают в качестве субъекта отдельного члена общества. Причем свойства субъекта проявляются у него, прежде всего, в процессе коммуникации, результатом которого является принятие взаимоприемлемых для всех участников решений, то есть достижение консенсуса по важным социально значимым вопросам. В условиях глобализации и информационной революции возможности расширения проявлений субъектности для отдельных участников диалога происходит за счет небывалого приумножения коммуникационных ситуаций и практик. Процесс коммуникации предстает полем проявления новой формы существования субъекта, называемой

интерсубъективностью. Последняя приходит на смену монологичности и аутореферентности субъекта эпохи Модерна.

Представители каждого из этих направлений предлагают свои, часто альтернативные, варианты переосмысления концепта субъекта на новых основаниях. Проанализируем наиболее характерные для выделенных нами направлений теории, раскроем их концептуальные основания и обозначим перспективы их применения для преодоления кризиса субъекта.

Если рассматривать концепции *последователей классического рационализма*, то пути выхода, предлагаемые ими, представляются уязвимыми с точки зрения новизны подходов к концептуальным основаниям субъективности. Это связано с тем, что от классических оснований рационалистической философии Модерна они не отказываются, а, значит, могут быть обвинены в архаичности и несоответствии их поисков современной ситуации в философии и в социальной реальности.

Так, марксистская философия продолжает использоваться ее поклонниками для объяснения процессов социальной реальности. Современные последователи марксизма, конечно, не воспринимают эту теорию в первозданном виде, поскольку видят ее слабые места. Речь идет о том, что в теории К. Маркса в качестве социального субъекта рассматривается определенный класс. Это несет угрозу тотального коммунитаризма, нивелирования интересов и проявлений субъектности отдельной личности в пользу субъектности социальной группы. Проблема взаимодействия между субъектом – группой и субъектом – личностью существует и в современном обществе. Нежелателен как тотальный коммунитаризм (который ведет к ограничению свободы индивида), так и абсолютный индивидуализм (который оборачивается волюнтаризмом и анархией). Поэтому современные последователи марксизма концентрируют свои усилия на поиске оснований гармонии между первой и второй тенденциями. Но осуществляют это в рамках постулатов классической марксистской теории с ее особенностями понимания субъекта.

Российский исследователь В.О. Кутырёв, являясь оппонентом постмодернистского дискурса, также может быть отнесен к направлению последователей традиционного рационализма. Постмодерн он считает последствием процессов глобализации и информационной революции. Эти процессы в их единстве ведут, по мнению автора, к расширению мира виртуального, который является полем борьбы человеческого и искусственного интеллекта [2, №12, с. 16]. Постмодернистская философия рассматривается им как превращенная форма сознания, которая маскирует эту борьбу. «Все «смерти» – Бога, автора, субъекта, человека, все «post» и «транс» – от бытия природы до логоса и науки – служат *созданию пустоты*, освобождают место для господства бессмертной технологии как «позитивной смерти» человека» [2, №.12, с. 18]. При этом технологическую рациональность он считает еще более репрессивной по отношению к проявлениям человеческой субъективности даже по сравнению с инструментальной рациональностью европейского философского сознания. Технологическая рациональность – это то принципиально «иное», Ничто, Mortido, которое полностью подчинит и поглотит все проявления субъективности отдельной личности и человечества в целом [3]. А философией «инобытия» человека является трансгуманизм, который угрожает полностью изменить и уничтожить саму природу человека.

Похожие угрозы со стороны технологической цивилизации видит и российская исследовательница Е.В. Мареева. Она считает, что «...стремление трансгуманистов к телесному бессмертию постчеловека выглядит как противоположное и христианскому, и сократовскому» [4, с. 177]. Поскольку намерение усовершенствовать человеческое тело с помощью новых технологий разрушает традиционное в христианской культуре и классической философии понимание человека как телесно–духовного существа, действия и мысли которого определяются трансцендентальным субъектом в форме божественного абсолюта или абстрактного разума. В условиях технологической цивилизации искусственной становится не только тело, но и душа. «Но искусственная душа у трансгуманистов ..., лишенная идеальной детерминации, будучи производной компьютерного мозга, по сути своей материальна» [4, с. 177].

В качестве выхода из угрожающей ситуации В. Кутырёв предлагает концепцию *коэволюции*, которая предусматривает как борьбу двух миров (человеческого и технологического), так и их взаимодействие и сотрудничество. Новая философия современной эпохи должна, по мнению В. Кутырёва, охватывать и философию «иноного» по отношению к человеку, отображая техногенную реальность. Необходимо выработать стратегию и тактику взаимодействия или борьбы с этим технологическим «иным». Философ провозглашает лозунг борьбы за «высокий» человеческий традиционализм и консерватизм [2, № 12, с. 19].

Анализируя направление, названное нами «новым рационализмом», отметим, что оно наиболее масштабно представлено количеством предлагаемых теорий. В рамках этого направления можно

рассмотреть оригинальное понимание субъекта, предложенное М. Хардтом и А. Негри [5]. Философы считают, что в современном мире, который в целом предстает как хаотичный и неопределенный, остается возможность для рационального обоснования субъективности. Они видят эту возможность в объяснении взаимодействия личности и общества на новых основаниях. Ключевой в их концепции является идея о том, что позитивный потенциал дальнейшего развития общества на рациональных основаниях может быть обеспечен развитием отдельной личности и раскрытием ее творческого потенциала, а не совершенствованием материальных факторов производства. Условием управляемости общества, в таком случае, становится обращение к своеобразному толкованию сущности демократии. Авторы понимают демократию, как такую форму общественного устройства, которая опирается на свободном взаимодействии, творчество и самовыражение личностей [5, с. 202].

В основе нового понимания социальных взаимодействий должен стоять не субъект–индивидуалист, а совокупность личностей, которые составляют своеобразный коллективный (но не целостный) субъект – *множественность*. На место господствующей в эпоху Модерна пары противопоставления «индивид – общество» М. Хардт и А. Негри ставят пару «*множественность – сингулярность*». Множественность состоит из «сингулярностей» – индивидуальных социальных субъектов – личностей, которые проявляют себя ситуативно, в моменты принятия социально значимых решений или действий. Множественность в качестве коллективного субъекта способна реализовать идею демократии, как «управления каждого каждым» [5, с. 100].

По мнению авторов, индивид в философских конструкциях Модерна выступал, как субъект, подчиненный и отождествляемый с неким социальным целым – классом, нацией, социальной группой, а потому не был настоящим субъектом. Под «сингулярностью» же понимается «социальный субъект, чья оригинальность не может быть сведена к чертам схожести и которая отличает его от других» [5, с. 99]. То есть, в данном случае процесс становления субъекта происходит путём самопроявления и самореализации, наряду с освобождением от внешних влияний и идентификаций.

Авторы связывают необходимость пересмотра основ понимания социального субъекта с революционными изменениями, происходящими в социально–экономической сфере общества. Суть их состоит в том, что главным видом труда становится нематериальный труд, а продукты этого труда – главной ценностью современного общества. Более того, «Нематериальный труд выходит за границы сферы собственно экономических процессов и непосредственно принимает участие в производстве и воспроизведении общества в целом» [5, с. 66]. Продукты нематериального производства принадлежат множеству отдельных людей, а следствием нематериального труда является распространение сетевых структур, которые опираются на взаимное сотрудничество индивидов, постоянную коммуникацию и взаимодействие.

Но М. Хардт и А. Негри оставляют без ответа вопросы, каким образом возможно воплотить в конкретные социальные формы взаимодействие множественности и сингулярности и как возможна целостность субъекта – сингулярности. Ибо без обретения этой индивидуальной целостности он вынужден будет ее искать, отождествляясь уже не с классом, народом или нацией, а с той самой множественностью, которая может еще более жестко контролировать мысли и поведение индивида.

Известный немецкий исследователь проблем современного общества У. Бек предлагает свой вариант выхода из кризиса субъекта на рациональных основаниях. В работе, посвященной проблемам глобализации, главной угрозой социальному субъекту он считает капитал, который в современных условиях наращивает свою экспансию во все сферы жизни общества [6]. При этом автора интересует не только судьба индивидуального социального субъекта – личности, но и субъекта – национального государства, которое в условиях глобализации утрачивает возможность влиять на политические процессы, передавая эти полномочия капиталу в виде транснациональных корпораций и наднациональных сетевых политических структур.

У. Бек не видит катастрофы в процессе глобализации и связанной с ней утратой традиционных форм субъективности. Наоборот, он считает, что трансформационное движение глобализации должно быть доведено до логического завершения. Ибо в этом движении возможно распространение и утверждение новых форм субъективности, которые соответствуют актуальным трансформациям социума. На основе этих тенденций возникают транснациональные объединения граждан, реализуется космополитическое право демократического типа. То есть индивидуальный социальный субъект выходит на наднациональный уровень и реализует возможности влиять на процессы планетарного общецивилизационного масштаба.

Национальное государство бессильно против тенденций глобализации. А индивидуальный социальный субъект существует в своей замкнутой *нише*, как называет виртуальное пространство его самореализации У. Бек. Из виртуальных пространств отдельных субъектов проблематично составить какую-либо целостность, поэтому проблемой является и построение новых идентичностей субъекта. «Глобальному гражданскому обществу ... не отвечает осознание глобальности, не существует какой-либо глобальной солидарности граждан транснационального гражданского общества» [6, с. 297]. Выход из этой проблемы У. Бек видит в замене политики так называемой субполитикой, которая на современном этапе уже формируется.

Теория У. Бека выглядит обоснованной и перспективной для преодоления кризиса субъекта и пересмотра его концептуальных оснований, хотя и ставит новые вопросы и проблемы. Например, не будет ли власть монополизирована новыми, транснациональными политическими структурами и не окажется ли новый индивидуальный субъект им подчинен, сможет ли он свободно извлекать свою волю и участвовать в принятии решений. Также встают вопросы о таких важных ценностях, как солидарность граждан перед внешними угрозами, легитимность власти, взаимная ответственность власти и граждан.

Среди представителей постмодернистской философии, наряду с утверждениями, что концепт субъекта полностью себя изжил и возвращение к нему невозможно, провозглашается необходимость не только отказа от метанарративов и философских конструкций эпохи Модерна, но и переосмысливается сама постмодернистская философия. Направлением этого переосмысления является поиск вариантов выхода уже из тупика постмодернизма, в который он сам себя вверг глобальным отрицанием классических оснований философии. «...Осуществляется попытка осмысления и обоснования новой парадигмы гуманитарной культуры, которая приходит на смену постструктуралистско-деконструктивистскому подходу... Главным вопросом становится не *после чего* они, а *перед чем* и в *обоснование чего*» [2, №12, с. 5]. То есть речь идет о постмодернизме как переходном этапе, который уже концентрируется не на осмыслении прошлого философии (собственно, он уже не «*пост*»), а на предчувствии возникновения новых оснований философского знания («*прото*») [7]. Так на почве постмодернизма формируется направление After-postmodernism.

Одним из представителей этого направления можно считать российско-американского философа М.Е. Эпштейна. Разрабатывая возможность преодоления кризиса субъекта и классической метафизики, он исходит из идеи, что «Философия вовсе не обязана связывать себя с миром сущего и надлежащего, с действительностью и необходимостью. Предназначение философии, открывающееся перед ней в посткритическую эпоху – третья модальность – мира возможного» [7]. Автор считает, что деконструктивисты в своих текстах напрямую подходят к определению категории не реального, но возможного. Сам же философ считает, что этой категории необходимо придать статус постулата новой философии, возникающей на почве постмодернизма. Он заменяет онтологию и эпистемологию на «потенциологию», которая выступает формой «снятия» метафизики в целом. Мир с позиций потенциологии предстает как воплощение чистых возможностей, а субъект – как потенциально-возможная открытая модальность. Таким образом, в теории М. Эпштейна реальность и ее осмысление уступает место возможности.

В качестве перспективного варианта преодоления кризиса субъекта отметим четвертое среди выделенных нами направлений – коммуникативную практическую философию, представленную творчеством таких известных философов, как Ю. Хабермас, К.-О. Апель, В. Гюсле, П. Ульрих, В. Кульман и других.

Характерной для этого направления является теория немецкого философа Ю. Хабермаса [8]. Признавая реальность кризиса субъекта и субъект-центрированной философии эпохи Модерна, философ видит путь преодоления этого кризиса не в отрицании рациональности как таковой, а в переходе от парадигмы понимания вещей к парадигме взаимопонимания между индивидуальными субъектами, способными мыслить и действовать [8, с. 306]. Философ предлагает свою коммуникативную теорию, используя ее для объяснения также и новых оснований политического процесса. Последний понимается как перманентная коммуникация интерактивных участников, которые координируют направления своих действий и принимают взаимоприемлемые решения путем достижения консенсуса в процессе диалога. Этот диалог осуществляется на вербально-рациональном уровне и выстраивается в рамках тех принятых взаимных ограничений, с которыми согласны как участники, так и наблюдатели [8, с. 307]. Личность, которая принимает указанные позиции и условия, оказывается включенной в межсубъектные отношения, что позволяет ей воспринимать себя участником интеракции [8, с. 308]. Говорящий и слушающий напрямую договариваются относительно любого вопроса, а коммуникация происходит в рамках их общей жизненной сферы,

которая выступает фоном проведения диалога. Таким образом, индивидуальный социальный субъект проявляет свои свойства в процессе диалога и принятия решений.

Путь преодоления абсолютизации инструментального разума (что было характерно для эпохи Модерна), а значит и путь освобождения жизненного мира общества и индивидуального социального субъекта, по мнению Ю. Хабермаса, – это поиск «другого» разума и другой рациональности. Они воплощаются в силе взаимности, в критической обусловленности коммуникативных связей там, где деформирована целостность общественной жизни, где отчуждена как внешняя, так и внутренняя человеческая природа [8, с. 316]. Речь идет об освобождении настоящего индивидуального субъекта от оков инструментальной рациональности, об освобождении его жизненных сил, подавленной человеческой природы, об опыте преодоления дезориентированной личностной субъектности [8, с. 317].

Он предлагает инструментальную рациональность преодолеть путем актуализации рациональности диалогической, в рамках которой истина устанавливается в процессе диалога, а решения принимаются в результате коллективного соглашения. А монологичный субъект заменяется субъектом коммуникации, который проявляет свойства субъектности в процессе взаимодействия с Другими. Таким образом, принцип монологичности замещается принципом интересубъективности. «Интерсубъективность связана прежде всего с признанием наличия Другого Я, существованием других сознаний, равноправных моему собственному, других субъектов индивидуального опыта» [9, с. 182].

В качестве конструктивной основы новой рациональности Ю. Хабермас предлагает свою теорию коммуникативного действия. Исходя из абстракций универсального бестелесного Логоса, лишённого речи и возможности с кем-либо взаимодействовать, интересубъективная коммуникация рассматривается в его теории как реализуемый телос. А доведенный философией сознания до крайности логоцентризм европейского мышления – как систематическое искривление, минимизация потенциала повседневной коммуникативной практики [8, с. 32]. Сам по себе разум был и остается главным инструментом познания мира. Вопрос в том, каким образом разум и рациональность понимать.

Однако в качестве критики теории коммуникативного действия стоит согласиться с российским философом М.В. Мотрошиловой, которая отмечает проблематичность реализации этой теории в современной социальной практике. «...Поначалу государства и народы последуют не за позитивной «политической идеей мировой республики», а создадут ... лишь «негативный сурогат», союз национальных государств» [10]. Мы наблюдаем это, по мнению исследовательницы, на примере современного Евросоюза, который так и не стал пока еще политическим пространством интересубъективности. А в своеобразном «диалоге» Ю. Хабермаса с И. Кантом, который предсказывал подобный ход событий еще в XVIII веке, ближе к современной социальной реальности стоит все-таки Кант [10].

Выводы. Таким образом, рассмотрев широкий спектр представленных в современной социальной философии теорий преодоления кризиса субъекта и субъект-центрированной философии Модерна, мы систематизировали накопленный материал, что дало возможность классифицировать теории, объединив их по нескольким направлениям: классический рационализм; «новый рационализм»; After-postmodernism; коммуникативная практическая философия.

Проанализировав наиболее характерные для каждого из направлений теории и концепции преодоления кризиса субъекта, можем констатировать, что представители большинства из них не отрицают возможности существования концепта субъекта, как и рациональности в целом. Философы предлагают новые теоретические и практические обоснования этих понятий.

В плане соответствия быстро меняющейся социальной реальности и задачам продуктивной трансформации современного философского знания, в качестве наиболее перспективных направлений преодоления кризиса субъекта можно выделить два из них: «новый рационализм» и коммуникативную практическую философию. Первое направление наиболее масштабно по количеству представленных теорий, каждая из которых постулирует необходимость сохранения понятия субъекта и принципа рациональности в современной философии в качестве основы ее дальнейшего существования. При этом в большинстве этих теорий на смену трансцендентальному субъекту эпохи Модерна приходит индивидуальный социальный субъект, который достигает целостности с самим собой и проявляет себя в различных аспектах и сферах функционирования фрагментированной социальной реальности. Перспективность коммуникативной практической философии мы видим в новой форме существования субъекта в качестве интересубъективности и новой рациональности, называемой коммуникативной рациональностью. Потенциал этих двух направлений

мы видим и в том, что представленные в них теории отвечают на запросы быстро меняющейся современной социальной реальности.

Вместе с тем, малореалистичными выглядят крайние позиции абсолютизации как рациональности, так и постмодерного принципа плюрализма. Распространение первой может привести к новому тоталитаризму, к повторению ошибок и противоречий Модерна, но и абсолютизация плюрализма угрожает крайностями в виде профанации знания или поглощения рациональных аспектов человеческой природы стихией иррационально-биологических проявлений.

Перспективной задачей будущих исследований проблемы кризиса субъекта мы считаем поиски компромисса между разнонаправленными теориями с целью выработки общих основ новой философии, которая приходит на смену классической метафизики. Эта задача требует как выработки нового языка философии, так и согласованности относительно нового содержания ключевых для философского знания понятий субъекта и рациональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галанина, К.Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвиг Витгенштейна / К.Э. Галанина // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 138–147.
2. Кутырёв, В.А. Философия иного, или необытийный смысл трансмодернизма / В.А. Кутырёв // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 2–33; №12. – С. 3–19.
3. Кутырёв, В.А. Время Mortido / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2012. – 336 с.
4. Мареева, Е.В. От искусственного интеллекта к искусственной душе / Е.В. Мареева // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С. 171–177.
5. Michael Hardt Multitude war and democracy in the age of empire / Michael Hardt and Antonio Negri. – New York: The Penguin Press, 2004. – XVIII+427 p.
6. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек [Пер. с нем.] – М.: "Прогресс – Традиция", 2001. – 304 с.
7. Эпштейн, М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
8. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас [Пер. с нем.] – М.: Издательство "Весь мир", 2003. – 416 с.
9. Труфанова, Е. О. Интерсубъективность в науке и философии / Е.О. Труфанова // Вопросы философии. – 2014. – № 9. – С. 182–184.
10. Мотрошилова, М.В. Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011–2013 г.г.) [Электронный ресурс] / Мотрошилова М.В. // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 22–38. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=836&Itemid=52. – Дата доступа : 27.04.2015.

THE PROBLEM OF OVERCOMING THE CRISIS OF THE SUBJECT IN CONTEMPORARY SOCIAL PHILOSOPHY

T.A. CHISTILINA

Summary

The article is devoted to the problem of the crisis of the subject in contemporary philosophy. Determines the direction of philosophical thought, which offer a way out of the crisis of the subject. Analyzes specific to there direction of philosophical theories and concepts. Among the direction and theories stand out the most promising for overcoming the crisis of the subject. Revealed new grounds of rationality and subjectivity.

Key words: The subject, «death of the subject», rationality, crisis of the subject, rationalism, postmodernism, after–postmodernism, communicative practical philosophy.

© Чистилина Т.А.

Поступила в редакцию 12 марта 2015г.